

Письма царицы Евдокии Лопухиной в печатном манифесте 1718 года

Татьяна Семеновна Садова, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), tatsad_90@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724030042

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается язык личных писем царицы Евдокии, первой супруги Петра I, которые включены в печатный текст манифеста 1718 г., имеющего характер юридического документа. В нем описывается поэтапное расследование дела о якобы имевшем место заговоре против царя, в центре которого оказалась Евдокия, к тому времени (с 1698 г.) монахиня Елена. Выбор материала для статьи продиктован интересом автора к эволюции деловых жанров русской канцелярии Петровской эпохи, которая характеризуется не только масштабными государственными реформами, но и коренной перестройкой всей системы деловой коммуникации, обслуживавшей работу молодой Российской империи. Личные письма бывшей царицы, прежде всего адресованные ее возлюбленному, другу детства, офицеру Преображенского полка, Степану Глебову, стали отдельным объектом для исследования по двум причинам. Во-первых, до манифеста 1718 г. не было публичных документов, в которых бы всенародно объявлялись внутренние неприглядные стороны из жизни царской семьи. Любовные письма Евдокии стали достоянием широкой публики: манифест напечатали в две тысячи копий и свободно продавали. Во-вторых, впервые в правовой документ, имевший все признаки канцелярского стиля начала XVII в., вошли любовные письма, создающие яркий стилистический контраст с общим стилем делового текста. Известно к тому же, что в черновой текст манифеста активно вмешивался Петр, правил формулировки,

вставлял целые фрагменты, написанные собственноручно. Следовательно, печатный текст документа, подлежавший обязательному обнародованию, был важен для императора именно в таком виде. Манифест выполняет ряд важных прагматических функций в условиях новой Петровской эпохи: помимо очевидной информационной, он обладает назидательной, воздействующей и императивной функциями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: печатный текст, петровский манифест, деловой стиль XVIII века, царица Евдокия, стилистический контраст

для цитирования: Садова Т. С. Письма царицы Евдокии Лопухиной в печатном манифесте 1718 года // Русская речь. 2024. № 3. С. 42–52. DOI: 10.31857/S0131611724030042.

благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ [проект 24-28-00325].

From the History of the Russian Language

Letters of Tsarina Evdokia Lopukhina in the Printed Manifesto of 1718

Tatiana S. Sadova, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg), tatsad_90@mail.ru

ABSTRACT: The article examines the language of the personal letters of tsarina Evdokia, the first wife of Peter the Great, which were included in the printed text of a legal document, the manifesto of 1718. It describes a step-by-step investigation into the case of an alleged conspiracy against the tsar, at the center of which was Evdokia, by that time (since 1698) nun Elena. The choice of material for the article was dictated by the author's interest in the evolution of the business genres of the Russian office, a truly new stage of which occurred in the 18th century, a time of large-scale government reforms and, as a consequence, the restructuring of the entire system of business communication serving the work of the Russian Empire. Personal letters of the former tsarina, primarily addressed to her lover, childhood friend, officer of the Preobrazhensky regiment, Stepan Glebov, became a separate object for

research for two reasons. Firstly, before the Manifesto of 1718 there were no public documents in which the internal unsightly aspects of the royal family life were publicly announced. Evdokia's love letters became available to the general public: the Manifesto was printed in two thousand copies and sold freely. Secondly, for the first time, a legal document that had all the signs of the clerical style of the early 18th century included love letters, creating a bright stylistic contrast with the general style of the business text. It is also known that Peter actively intervened in the draft text of the Manifesto, corrected the wording, and inserted entire fragments written in his own hand. Consequently, the printed text of the document, which was subject to mandatory publication, was important to the emperor in this form. The manifesto performs a number of important pragmatic functions in the conditions of the new Peter the Great era: in addition to the obvious informational, it has edifying, influencing and imperative functions.

KEYWORDS: printed text, Manifesto of Peter the Great, official style of the 18th century, Tsarina Evdokia, stylistic contrast

FOR CITATION: Sadova T. S. Letters of Tsarina Evdokia Lopukhina in the Printed Manifesto of 1718. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 3. Pp. 42–52. DOI: 10.31857/S0131611724030042.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was supported by the Russian Science Foundation [project 24-28-00325].

Биография первой супруги Петра Великого, царицы Евдокии Федоровны Лопухиной (1669–1731), довольно хорошо описана в исторической литературе [Щербатов 1908; Ефимов 1995; Козляков 2014 и др.]. Ее жизнь была в известной степени однообразной и безусловно трагичной: недолгий брак, насильственный постриг, почти тридцатилетнее монашество, заточение в Шлиссельбургскую крепость — таков горестный путь последней неиноземной царицы на русском престоле, лишь за четыре года до своей кончины освобожденной наконец внуком Петром II. Торжественно, с царскими почестями перевезенная в Москву, получившая титул «государыни бабушки» и достойное содержание, она так и не вошла в мирскую жизнь и остаток дней провела в Новодевичьем монастыре [Шведова 2022: 172].

Показательна в этом отношении историческая смена ее именования: от рождения Прасковья Илларионовна Лопухина, выйдя замуж за Петра,

стала Евдокией Федоровной Романовой, в монашестве она — старица Елена, в Шлиссельбургской крепости и вовсе безымянная — «известная особа», к концу жизни, полностью оправданная Верховным тайным советом, почтительно именовалась «государыней бабушкой» и, наконец, навсегда осталась «первой супругой государя царя, первого императора Петра Алексеевича», как выбито на могильной плите, под которой она покоится.

Был в монашеской жизни Евдокии Федоровны страшный период, когда ей публично и всенародно вменялись чудовищные преступления: измена государю, тайный сговор в пользу сына, царевича Алексея Петровича и, что самое постыдное для бывшей царицы, «блудное житье» со Степаном Богдановичем Глебовым, майором-преображенцем, некоторое время производившим рекрутский набор недалеко от Суздаля, в Покровском монастыре которого томилась опальная царица [Тихонравов 1876: 442–443].

Материалом для статьи послужил Манифест от 5 марта 1718 г., содержащий материалы расследования этого (как бы сказали сейчас) громкого преступления против «Его Царского Пресветлого Величества», а следовательно, и государства. Выбор материала при этом продиктован, прежде всего, общим интересом к эволюции деловых жанров русской канцелярии, начало поистине нового этапа которой, конечно, приходится на XVIII в., время масштабных реформ и, как следствие, перестройки всей системы деловой коммуникации, обслуживавшей работу нового Российского государства.

Показательно, что в заголовке документа имеется толкование иноязычного термина «манифест», только-только входившего в канцелярский оборот Петровской эпохи: «манифестъ, или объявление...». В САР этот термин отсутствует, а в «Словаре русского языка XVIII века» его многозначность и, как следствие, полифункциональность текста с заглавием «манифест» ясно представлена:

МАНИФЕСТ 1700-е гг., а, м. Лат. manifestum, через нем. Manifest, пол. manifest. *Дипл., Канц. Правительственный указ, постановление; письменное обращение верховной власти к населению* [Сорокин (гл. ред.) 2001: 62].

В этом документе, названном манифестом, можно отметить как признаки информационного текста, так и черты текста распорядительного, поскольку, помимо последовательного изложения фактов расследования, здесь имеются императивные сентенции, требующие обязательных ответных действий, например дальнейшего расследования. К тому же предполагаемое публичное оглашение этого манифеста свидетельствует об откровенно назидательной его функции.

Итак, «Манифестъ или, объявление. которое чтено в столовой палатѣ, при освященномъ соборѣ, И Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества при Міністрахъ, и прочіихъ духовнаго и гражданскаго чина людѣхъ; Лѣта 1718, Марта въ 5 день» (здесь соблюдены орфография и пунктуация оригинала; далее манифест) — документ, интересный во многих отношениях, и прежде всего — в устройстве текста, имеющего как бы два плана, два сюжета.

Первый план — это повествование о ходе расследования, в том числе «протокольное» изложение показаний свидетелей и подозреваемых, а также информация о шагах, предпринятых должностными лицами, прежде всего главным дознавателем по делу, капитаном-поручиком Г. Г. Скорняковым-Писаревым. Второй план составляют собственно-ручные письма подозреваемых и свидетелей по делу (фрагменты или, если это необходимо, полные тексты), выступающие в качестве доказательств выдвигаемых обвинений. Стилистически эти планы, безусловно, различны.

По мнению В. В. Замковой, деловой текст XVIII в. часто соединял в себе два неоднородных по составу деловых стиля — высокий, торжественный и простой, почти бытовой, решающий земные, повседневные задачи [Замкова 1969: 123]. В нашем случае «двоестилие» обеспечивают несколько иные языковые условия текста, который, по свидетельству ученых, активно правил сам Петр [Воскресенский 2017: 140; Козляков 2014: 182].

С одной стороны, фрагмент текста, описывающий расследование, демонстрирует еще формирующийся, но во многом уже «нашедший себя» канцелярский стиль начала XVIII в., несомненно наследовавший целый ряд черт (прежде всего, лексических) приказного языка зрелого XVII в. [Никитин 2021: 157]. С другой стороны, личные показания и письма участников судебного дела стилистически также распадаются на два типа текстов со своими языковыми признаками: 1) письма деловые (покаянные от Евдокии — Петру), признательные показания (Глебова, еп. Досифея) и 2) письма интимные, любовные (от Евдокии — Глебову).

Письменные свидетельские показания всех подозреваемых близки к деловому слогу, в них используются приказные, т. е. унаследованные от системы «приказов» XVII в., и новые, вошедшие в оборот в Петровскую эпоху клише (*своеручное писмо; вышеописанное (пророчество); въ вышеозначенное время*), в них частотны страдательные конструкции (*привожена на двор; спрашиванъ (кем-либо); взятъ и расспрашиванъ*), употребляются канцелярские предложно-падежные структуры (*по постриженіи; по тому писму; по тому розыску*) и др.

В центре нашего внимания окажутся, прежде всего, личные письма царицы к своему возлюбленному, Степану Глебову. Это особенно интересно еще и с точки зрения практической цели, которую преследовал Петр,

включая их в текст правового документа, причем сначала публично оглашенного «в столовой палате» (как указано в заголовке документа), а затем изданного в печатной форме огромным по тем временам тиражом: «он <манифест> разошелся почти в 2000 копий и находился в свободной продаже за 4 алтына» [Козляков 2014: 181].

В тексте манифеста, в части изложения расследования, ожидаемо присутствуют: а) устойчивые клише, принятые в деловых бумагах этой поры (в том числе юридического содержания): *очная ставка; для подлиннаго извѣстія; взять для розыску; писать своею рукою; при бытности (кого-л.); по привозѣ (оныхъ); о вышеописанномъ розыскivano; въ вышеозначенное время; по розыску распрашivan(a);* б) славянизмы, часть из которых, например служебная лексика, заимствована из приказного языка XVII в. [Майоров 2009: 114], а также высокая книжная лексика, создающая торжественный тон государственного документа: *понеже, сеи, аще, оныи; лукавство; соблюдение; льстивное пророчество; отрѣшить; богопротівное непотребство;* в) полные наименования официальных титулов, званий и личных имен участников судебного расследования: *окольничіи семенъ языковъ; лейбъгвардіи капитанъ порутчѣкъ; Суздальскаго собору ключарь федоръ пустыннои;* г) многочисленные бессубъектные страдательные конструкции, обеспечивающие тексту семантику «объективного расследования»: *о томъ объявлено; тѣжъ старіцы спрашivаны; наречено имя еи елена; съ розыску показано; чтено в палатѣ* и др.; д) частотные уточняющие конструкции: *она бывшая царіца; онъ же федоръ пустыннои, съ онымъ господиномъ скорняковымъ писаревымъ* и под.

Важно еще раз подчеркнуть, что в печатный текст (правда, без указания места издания) включены копии личных писем, имевших безусловно рукописную основу. Об этом свидетельствует типичный канцелярский штамп, сопровождающий каждое из писем — «своеручно писано N» или «писала своею рукою — Елена» и под. Следует полагать, что внесены они в текст манифеста с максимальным сохранением «источника», на что косвенно указывает, например, записка Г. Г. Скорнякова Петру I, объясняющая долгое расследование, вызванное необходимостью создания нескольких копий изъятых у бывшей царицы писем, «дабы не утратились в пути» [Козляков 2014: 164].

В манифесте представлены личные письма пяти лиц: Евдокии Лопухиной — 5 писем; Глебова — 1 письмо, Алексея Петровича — 1 письмо, Марии Алексеевны (сестры Петра I) — 1 письмо, епископа Ростовского Досифея (обозначенного здесь как росстрига Демид) — 1 письмо. В центре нашего внимания — письма Евдокии к Степану Глебову.

Заметим, что в печатном тексте имена собственные Евдокии, Глебова и других «заговорщиков» (Досифея, Марии Алексеевны, старицы

Маремьяны и др.) последовательно пишутся со строчной буквы. В то время как имена государыни Екатерины Алексеевны, царевича Алексея Петровича, все титулы Петра — последовательно с прописной.

Вполне ожидаемо, что структура и лексическое наполнение писем царицы весьма различны в зависимости от адресата. Петру она пишет короткие, жалостливые, покаянные и весьма «раболопские» послания, именую его *Всемілоствѣиіи государь*, а себя — *Вашего Величества ніжайшая раба, бывшая жена ваша авдотья*. В письмах к своему возлюбленному Евдокия более многословна, например, в одном тексте она использует большое количество обращений, отражающих ее сильные к нему чувства: *святъ мой, душа моя, батька мой, любезный друг мой, батюшка мой, сударь мой* и под. Всего в ее письмах — 16 формул обращений к Глебову.

Между прочим, общее суждение о косноязычности, недалекости Евдокии («ума посредняго» [Куракин 1890: 241]), получившей традиционное для московских девиц высокого звания теремное образование, не кажется бесспорным по прочтении этих писем. Эти тексты, напротив, рисуют образ человека, обладающего способностью разнообразно и ярко выражать свои чувства. Возможно в этом случае влияние книг, и не только религиозного содержания, читанных ею во время долгого одиночества. По крайней мере, остались свидетельства того, что для нее специально писал, например, известный в то время придворный поэт и переводчик Карион Истомин [Агаркова 1967: 113].

Любовные письма бывшей царицы, пожалуй, впервые столь открыто публиковались для массового ознакомления. Запретных семейных тем как будто не стало, о чем с сожалением, например, пишет князь М. М. Щербатов как о вопиющем и неслыханном для России XVII в. «примере нарушения таинства супружества» [Щербатов 1908: 32]. Как ни странно, эта интимная тема, став основным материалом для розыскного дела, вовсе не нивелирует, но, напротив, усиливает основную «казенную» нить расследования: за чередой слов, которыми монахиня выражает свои сердечные чувства, авторы манифеста подозревают скрытый смысл — желание Евдокии и ей сочувствующей «партии» *скинуть съ себя монашеское платье*, вновь стать *царицею*.

В контексте основного обвинения в государственной измене вся эта любовная патока представляется в розыскном документе как неприкрыто лживая завеса истинных намерений заговорщиков. Для XVIII в., еще не потерявшего связи с предшествующей эпохой государства-семьи [Руднев, Садова 2023], нарушение брачного целомудрия в лице пусть бывшей, но жены государя кажется преступным само по себе. Тем более — в корыстных властолюбивых целях. Воздействующая сила подобного рода обвинений, вошедших в публичный манифест-объявление, должна была вызвать

у русских людей праведное негодование, на что наверняка рассчитывали создатели манифеста. Неслучайно уже в XIX в. известный историк И. Ф. Токмаков высказал предположение, которое было поддержано некоторыми историками: «Грубая наглядность этого дела и его возможная политическая ангажированность высказывает убежденность в тенденциозности следственного дела. Не принадлежат ли они (любовные письма царицы) перу какого-нибудь заплечного секретаря?» [Токмаков 2015: 40–41].

Какими же языковыми средствами презентуется любовная тема в манифесте, столь открыто демонстрирующем тайную связь царицы Евдокии и Глебова? Прежде всего, лексическими и фразеологическими: 1) номинациями любимого преимущественно фольклорного (устноречевого) происхождения, большая часть которых выступала в роли обращения к нему (*свѣтъ мой, душа моя, сердце мое, благодѣтель, друг мой*); 2) устойчивыми формулами любовной семантики (*в великоу тугѣ пребываемъ; проста сердцемъ; нетъ тебя міляе; до смерти непокіну* и др.); 3) названиями подарков и щедрот за сердечную верность: *галздукъ, мешки денегъ, персни (носи мои персень меня любя)*.

Грамматические средства создают «плотность» любовного содержания, обеспечивают риторичность и эмоциональность текста: 1) многочисленные повторы, тавтологичные структуры, включающие слова любви, междометия, целые фразы (*ей-ей-ей; охъ другъ мой, охъ свѣтъ мой; прошу слезно, прошу нарошно, прошу добѣваися; прошу слезно, молю неутѣшно*); 2) риторические фигуры — антитезы, вопросы и восклицания, соположения, создающие повышенную эмоциональность текста (*гдѣ твои разумъ тутъ и мои, гдѣ твое слово тутъ и мое, где твое слово тутъ моя и голова; Что же мне дѣлать, коли такоу богъ меня безчастную родилъ; Какъ уже мнѣ съ такои печали на свѣтъ жить* и др.); 3) использование усилительных частиц *уж(е), же*, что усиливает эмоциональность фрагментов, в которых Евдокия описывает свои страдания (*уже некому будетъ и прѣтти; а я же тебя до смерти не покіну никогда*).

Любовные письма Евдокии написаны стилем, очень близким к устноразговорной речи, на фоне которой контрастно выделяются лексические заимствования, скорее всего, не входившие в активный запас монахини Елены (*насмотрѣтца на свою персону; быть в Губерніи Московской*), а также полные лиризма и поэтичности строки (*мало знать лице твое и руки твои и всѣ члены твои и составы рукъ и ногъ твоихъ*).

Важно, что в новой петровской канцелярии печатные манифесты или объявления в силу своего обращения к массовому адресату строго подчинены прагматической цели — донести до большого круга лиц самодержавную волю, даже касающуюся личных, семейных тем, что, видимо, по мысли Петра, освобождает такие тексты от старорежимных нравственных

ограничений. Этот манифест своей публичной явленностью сокровенных внутрисемейных непристойностей, столь не типичной для раннего XVIII в., — видимое тому подтверждение. При этом ряд собственно языковых признаков манифеста характеризует деловой стиль Петровской эпохи в целом. Впервые обращенные к массовому адресату документы обретают печатную форму, что требует от их составителей более тщательного отбора языковых средств, обеспечивающих, прежде всего, понятность и ясность текста. Так, в манифесте ясно прослеживается ориентация на разговорную речь, что проявляется и в лексике, и в синтаксисе предложений, преимущественно разговорного типа. Следственное дело, составляющее информационный план документа, содержит неизбежные канцеляризмы, деловые клише, причем как приказные, унаследованные от XVII в., так и только входящие в деловую речь. Эти признаки канцелярской речи встречаются и в письмах Евдокии, но лишь в тех, что обращены к Петру или представляют собой *повінные своеручные писма* (например: *я старіца елена; привожена на генеральной дворъ; въ томъ я віновата; писала своею рукою*). Любовные письма царицы к Глебову создают стилистический контраст в тексте манифеста. Они многословны, эмоциональны, что выражается, прежде всего, в лексике посланий (например, в номинациях любимого: *свѣтъ мой, душа моя, батька мой, любезный друг мой, батюшка мой, сударь мой*). Однако включение их в текст официального царского документа, как указывалось, было сознательным приемом — требовалось наглядно продемонстрировать «преступления отвергнутой царицы» [Козляков 2014: 185].

Источники

Манифест — Манифестъ или, объявление, которое чтено в столовой палатѣ, при освященномъ соборѣ, И Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества при Міністрахъ, и прочіихъ духовнаго и гражданскаго чина людѣхъ; Лѣта 1718, Марта въ 5 день. Печатано в Санктъпитербурге, Март 1718. 16 с. [Электронный ресурс] <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003341434?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 11.04.24).

Литература

Агаркова Р. К. Спорные вопросы биографии Кариона Истомина // Ученые записки Душанбинского государственного педагогического института им. Т. Г. Шевченко. 1967. Т. 51. Вып. 19. С. 100–116.

- Воскресенский Н. А. Петр Великий как законодатель. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 640 с.
- Замкова В. В. Славянизмы в деловом языке середины XVIII века // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII в. / отв. ред. В. М. Марков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1969. С. 121–129.
- Ефимов С. В. Евдокия Лопухина – последняя русская царица XVII века // Средневековая Русь. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. С. 136–165.
- Козляков В. Н. Царица Евдокия, или Плач по Московскому царству. М.: Молодая гвардия. 2014. 318 с.
- Куракин Б. И. Гистория о Петре I и ближних к нему людях. 1682–1695 гг. // Русская старина, 1890. Т. 68. № 10. С. 238–260.
- Майоров А. П. Причинные союзы в деловом языке XVII–XVIII веков // Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований РАН. 2009. Т. V. Ч. 3. С. 113–126.
- Никитин О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): Лингвистические очерки. М.: Наука; Флинта, 2021. 266 с.
- Руднев Д. В., Садова Т. С. Метафора государства и способы ее выражения в русской деловой речи // Вестник Волгоградского государственного университета. 2023. Т. 22. № 4. С. 21–36.
- Сорокин Ю. С. (гл. ред.). Словарь русского языка XVIII века. СПб.: Наука, 2001. Вып. 12. 254 с.
- Тихонравов К. Н. Проклятие Глебова. 1721 год // Русская старина. 1876. Т. 15. № 2. С. 442–443.
- Токмаков И. Ф. Историческое и археологическое описание Покровского девичьего монастыря в Суздале. М.: Книга по требованию, 2015. 146 с.
- Шведова М. М. Последние годы жизни царицы Евдокии Лопухиной в Новодевичьем монастыре (1727–1731 годы) // Культурно-историческое наследие личности и рода: Царица Евдокия Лопухина / ред. Д. Я. Романов. М.: Институт наследия. 2022. С. 172–193.
- Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. М.: Типо-литография «Русского товарищества» печатного и издательского дела, 1908. 66 с.

References

- Agarkova R. K. [Controversial issues in the biography of Karion Istomin]. *Uchonyye zapiski Dushanbinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. T. G. Shevchenko* [Scientific notes of the Dushanbe State Pedagogical Institute named after. T. G. Shevchenko], 1967, vol. 51, no. 19, pp. 100–116. (In Russ.)
- Efimov S. V. [Evdokia Lopukhina – the last Russian tsarina of the 17th century]. *Sredne-vekovaya Rus'* [Medieval Rus']. St. Petersburg, St. Petersburg State Univ. Publ., 1995, pp. 136–165. (In Russ.)

- Kozlyakov V. N. *Tsaritsa Yevdokiya, ili plach po Moskovskomu tsarstvu* [Tsarina Evdokia, or lament for the Muscovite kingdom]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2014. 318 p.
- Mayorov A. P. [Causal conjunctions in the business language of the 17th – 18th centuries]. *Acta Linguistica Petropolitana: Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [Acta Linguistica Petropolitana: Proceedings of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences], 2009, vol. V, part 3, pp. 113–126. (In Russ.)
- Nikitin O. V. *Delovaya pis'mennost' v istorii russkogo yazyka (XI–XVIII vv.): Lingvisticheskiye ocherki* [Official writing in the history of the Russian language (11th – 18th centuries): Linguistic essays]. Moscow, Nauka Publ., Flinta Publ., 2021. 266 p.
- Rudnev D. V., Sadova T. S. [Metaphor of the state and ways of expressing it in Russian business speech]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 21–36. (In Russ.)
- Shvedova M. M. [The last years of the life of tsarina Evdokia Lopukhina in the Novodevichy monastery (1727–1731)]. *Kul'turno-istoricheskoye nasledie lichnosti i roda: Tsaritsa Yevdokiya Lopukhina* [Cultural and historical heritage of the individual and family: Tsarina Evdokia Lopukhina]. Moscow, Heritage Institute Publ., 2022, pp. 172–193. (In Russ.)
- Sorokin Yu. S. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Vol. 12. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. 254 p.
- Tokmakov I. F. *Istoricheskoye i arkhologicheskoye opisaniye Pokrovskogo devich'yego monastyrya v Suzdale* [Historical and archaeological description of the Pokrovsky nunnery in Suzdal]. Moscow, Kniga po Trebovaniyu Publ., 2015. 146 p.
- Voskresenskiy N. A. *Petr Velikiy kak zakonodatel'* [Peter the Great as a legislator]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2017. 640 p.
- Zamkova V. V. [Slavicism in the business language of the middle of the 18th century]. *Ocherki po istorii russkogo yazyka i literatury XVIII v.* [Essays on the history of the Russian language and literature of the 18th century]. Kazan, Kazan State Univ. Publ., 1969, pp. 121–129. (In Russ.)